

В. С. СОРОКИН

РАСКОПКИ ДРЕВНЕГО ПОСЕЛЕНИЯ

Древнее поселение у Кармир-блур занимало территорию площадью около 40 гектаров. Оно располагалось на равнине у южного обрывистого края каньона р. Раздан (Зангу) к западу и югу от холма. С восточной стороны его ограждала мощная стена, являющаяся продолжением обращенных к реке укреплений цитадели. Делая поворот под прямым углом, стена на протяжении около 300 м охватывала поселение и с юга, заканчиваясь крупной башней, возможно частью ворот. Дальше не обнаружено никаких следов оборонительных сооружений на линии их естественного продолжения и, хотя необходимы дальнейшие поиски в других направлениях, в настоящее время создается впечатление, что укрепление поселения не было закончено к моменту его гибели. Остатки стен обнаружены и на протяжении нескольких десятков метров вдоль обрыва у западных ворот цитадели, однако и здесь их продолжение не найдено.

На площади, некогда занятой поселением, заметны следы трех прямых улиц шириной около 6 метров, идущих с небольшим отклонением в западно-восточном направлении, и одной улицы, их пересекающей. Поселение было тесно застроено примыкающими друг к другу жилищами (рис. 43), стены которых сооружались без связывающего материала, из грубо обработанного, не имеющего правильной формы камня местной андезито-базальтовой породы серого цвета. Более тщательная обработка строительного материала производилась лишь в специальных случаях, например, при сооружении дверных проемов, очагов, изготовлении порогов, подпятников дверных осей или опорных баз для столбов, поддерживавших кровли. В этих случаях употреблялась мягкая порода камня—туф.

Жилища, как правило, состояли из нескольких (обычно трех) помещений, сообщающихся между собой узкими (60—70 см) дверными проемами с высокими порогами. Двери, там где их существование несомненно, были деревянными и вращались на вертикальной оси, нижний конец которой (пята) опирался на камень, вкопанный в земляной пол и имевший специальное углубление (подпятник). В помещ. 1 (48) подобное углубление было сделано в большом камне, обработанном в виде лесенки о двух ступенях. Кровли были, вероятно, плоскими и поддерживались вертикально поставленными столбами.

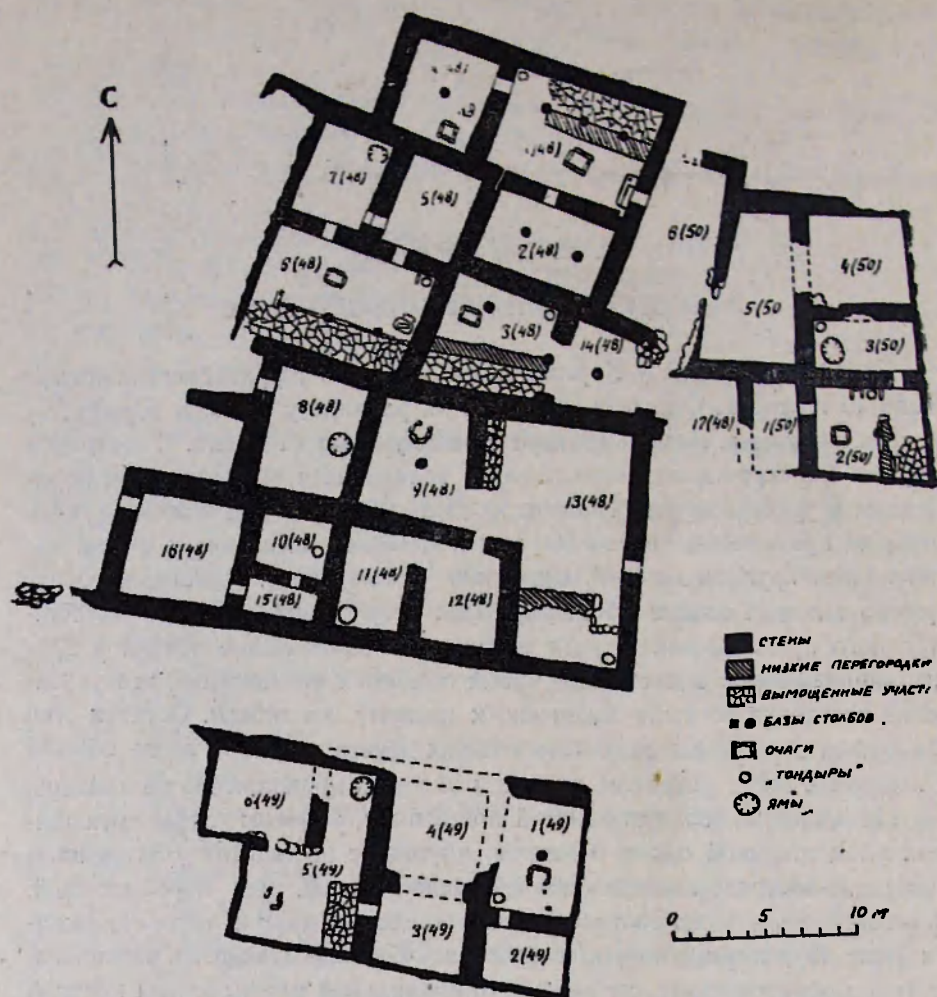

Рис. 44. План раскопанного участка города.

Несмотря на ряд существенных отклонений устанавливается тип жилища, характерного для всего поселения. Таких типичных жилищ обнаружено уже пять. Их отличительной особенностью является наличие главных помещений, хотя и не занимающих постоянного положения в отношении общей планировки дома, также не являющейся стандартной, и не повторяющих в точности один и тот же план, однако обладающих рядом весьма существенных деталей, придающих им одинаковый, совершенно определенный и своеобразный облик. Образцом такого помещения может служить помещ. 1 (48). Это—прямоугольное помещение площадью около 44 кв. метров с земляным полом. В нем на расстоянии несколько более двух метров от входной двери расположен прямоугольный очаг, сложенный из туфовых блоков, обработанных в форме прямоугольных призм. Часть помещения вдоль обращенной к северу стены

отгорожена низкой каменной перегородкой, причем отгороженное узкое пространство, пол которого ниже уровня пола остального помещения, вымощено плоскими камнями. В перегородку включены три опорные базы для столбов. В углу, у двери в помещение 4(48), стоит вкопанный в пол на небольшую глубину глиняный цилиндр без дна, назначение которого пока не установлено; несмотря на внешнее сходство, он все же, повидимому, не имеет ничего общего с характерным кавказским очагом-тондыром, служащим для выпечки хлеба. К главному помещению примыкают два второстепенных помещения 2(48) и 4(48), соединяющиеся с ним узкими дверными проемами. Точно такой же характер, несмотря на отличие в планировке и положении по отношению к второстепенным помещениям, имеют главные помещения 3(48), 6(48), 5(49) и 2(50). Во всех них мы видим прямоугольный очаг, отгороженный мощеный участок и даже «тондыр», которого, как и опорных баз столбов, не оказалось только в помещении 5(49), вообще сохранившемся значительно хуже всех остальных.

Рассматривая план всего раскопанного жилого комплекса в целом, мы видим, что жилища не могли иметь бокового освещения, т. к. подавляющее большинство помещений не имеет внешних, уличных стен, и что поэтому освещение могло быть только верхним. Естественно, что в первую очередь должно было освещаться главное помещение, так как здесь, у очага протекала основная домашняя деятельность обитателей дома. Отверстие для света одновременно служило и для выхода дыма из очага. Наличие в главных помещениях опорных туфовых баз для столбов, поддерживавших кровлю, включенных в низкую перегородку, отгораживающих вымощенный участок, указывает на то, что часть его была перекрыта. Второстепенные помещения жилищ нашего поселения освещались через двери и были полутемными.

Весьма важной особенностью раскопанных домов является полное отсутствие в них хозяйственных помещений: мест для хранения продовольственных запасов и хлевов для скота. Эта их особенность имеет существенное значение для определения социального облика жителей поселения.

Другим подтверждением урартской принадлежности описанного типа жилищ является полное совпадение вещественного материала, найденного при раскопках поселения, с материалом из цитадели-дворца. Сравнение керамики—этого наиболее массового раскопчного материала—не оставляет на этот счет никаких сомнений. Полную аналогию представляет и ряд других изделий—железный нож, серп, печать из жировища типичной урартской формы («колокольчик») и предмет неизвестного назначения в виде слегка вогнутого железного диска с прикрепленной к нему короткой железной же ручкой («жаровня»). В поселении найдены и предметы бесспорно местного происхождения, что не удивительно ввиду сравнительно длительного существования цитадели и поселения и несомненного контакта их с местной средой. В этой связи нужно прежде всего упомянуть маслбойки в виде довольно больших

керамических сосудов, выразительными особенностями которых является наличие одной горизонтально расположенной ручки в верхней части сосуда, невысокого выступа со сквозным отверстием рядом с ручкой и широко отогнутого округлого венчика, удобного для завязывания горла при сбивании масла. Подобные маслобойки были распространены в древности по всему Закавказью. Б. А. Куфтин находил их в погребениях в каменных ящиках в Триалети и относил их к ванской эпохе¹. С. М. Казиев обнаружил их в Мингечауре в грунтовых могилах с сильно скорченными скелетами и многочисленным инвентарем, особенно керамикой². Наша маслобойка, правда, отличающаяся от вышесписанных наличием заостренных, прилепленных к внутренней поверхности выступов и богатой орнаментацией снаружи, но в остальном точно такая же, относится к началу VI в. до н. э. и таким образом подтверждает широкое распространение сосудов этого типа по Закавказью в эпоху предшествующую и совпадающую со временем существования кармирблурского поселения. Добавим к этому указание С. И. Макалатиа на современное употребление подобных маслоек в Мтиулетн, и их местное происхождение будет для нас несомненным. Интересно, что фрагментированная маслобойка, найденная в 1947 г. в «комнате привратника» у южных ворот цитадели, повторяет маслобойку из поселения только общей формой сосуда (поскольку можно судить при отсутствии его верхней части) и наличием приостренных налепов на внутренней поверхности, отличаясь такой существенной деталью, как вертикальным расположением ручки, отсутствием дырочки в дне, а также качеством глины и характером обжига. В то время как маслобойка из поселения изготовлена из довольно грубого теста и имеет серый цвет, маслобойка из цитадели представляет собой прекрасно сформованный и хорошо обожженный сосуд из хорошей глины с черепком ровного кирпично-красного цвета как с поверхности, так и в изломе. Всего вероятнее, техника изготовления в сочетании с нарушением непривычного расположения деталей (горизонтальная ручка) указывает на неумелое подражание урартского гончара местному образцу.

С подобным же случаем мы сталкиваемся и при рассмотрении другой группы несомненно местной керамики. Речь идет о кувшинах различных размеров, округлых, широкобоких и с небольшим дном. Эти сосуды украшались рельефом и лощением и имели весьма характерную отличительную особенность—ручку, по внешней поверхности которой проходит глубокая прорезь в виде налегающих друг на друга треугольных вдавлений. Подобные сосуды известны из раскопок могильника Шайтан-даг (на р. Дебед) и в районе оз. Севан, в частности в сел. Головино, и датируются VII—VI вв. до н. э.³ Несколько выразительных

¹ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, 1, Тбилиси, 1941, стр. 57, табл. XXIX.

² Материальная культура Азербайджана, 1, С. М. Казиев, Археологические раскопки в Мингечауре, стр. 16—18, рис. 5.

³ Кармир-блур, 1, стр. 36.

фрагментов подобных сосудов найдено и при раскопках нашего поселения. Интересно, что и в цитадели такие сосуды довольно часты, отличаясь только высоким качеством изготовления. Однако мне известен один сосуд этого типа, хранящийся в Эрмитаже (№ 17491), обнаруживающий, подобно маслбойке из «комнаты привратника», яркие признаки изготовления его урартским гончаром. Он красный, лощеный, т. е. по технике изготовления типично урартский (местные кувшины всегда черные или коричневые), и ступенчатая прорезь на его ручке двойная, чего никогда не бывает на местных кувшинах.

Наконец, из местных предметов, заслуживающих упоминания, укажу на белую каменную бусину типа «домино», найденную в помещении 2(50), совершенно подобную бусам, которые Б. А. Куфтин датирует банской эпохой¹.

Все эти факты, иллюстрирующие проникновение местных элементов материальной культуры в жизнь урартского поселения, ни в коей мере не затемняют полного совпадения подавляющего большинства вещественных памятников из поселения и цитадели. Но они интересны и в другом отношении. Датируясь на основании закавказских археологических данных временем никак не позднее VI в. до н. э., а в основном относясь к предшествующему времени, они выразительно подчеркивают отсутствие более поздних материалов и тем самым документируют прекращение жизни поселения в начале VI в. до н. э., что естественно связать со временем гибели цитадели-дворца вероятнее всего во втором или третьем десятилетии этого века.

Указанные черты поселения как в части архитектуры, так и в части вещественного материала не оставляют, с моей точки зрения, никакого сомнения в его урартском характере и заставляют поставить вопрос о его социальном облике и значении.

При раскапывании жилищ поселения установлено, что оно было внезапно покинуто жителями, которые уже никогда не вернулись в свои дома. Как правило, из многочисленных обломков керамических изделий удается собрать целиком только крупные сосуды, которые в спешке невозможно было захватить с собой. Мелкие сосуды почти всегда представлены лишь отдельными фрагментами—несомненно втоптаннами в земляной пол обломками сосудов, случайно разбитых при более спокойных обстоятельствах. Замечательное подтверждение тревоги и спешки при оставлении жилищ найдено в 1950 г. В помещ. 1(50) прямо против порога в помещение 2(50) удалось расчистить уроненные здесь сосуды и переносный плоский глиняный очаг, подобный очагу третьего типа, по Б. Б. Пиотровскому, из временного жилища во дворе цитадели.² Один из этих сосудов—сигарообразный кувшин—интересен тем, что клеймо, дважды оттиснутое на его боках, сделано тем же штампом, что и дважды оттиснутое клеймо на боках сигарообразного сосуда из времен-

¹ Археологические раскопки в Триалети, I, стр. 56—57.

² Б. Б. Пиотровский, ук. соч., стр. 24.

ного жилища во дворе цитадели. Крупные обломки кувшина с клеймами лежали в помещ. 1 (50) так, что если кто-нибудь захотел бы войти в дверь этого помещения, он или должен был раздавить их или убрать с дороги. Ни того, ни другого не произошло и, следовательно, после того, как кувшин был уронен, никто в эту дверь не входил. Второй сосуд—небольшая широкая чаша на полной ножке—интересен, в том отношении, что представляет собой бесспорно урартское изделие, вероятно, привезенное из центра государства (рис. 44). Помимо внешнего облика (красная, лощеная), что уже представляется достаточным основанием считать ее урартской, она является полной аналогией красной лощеной чаши, от которой сохранилась лишь ножка, найденной П. Ф. Петровым в 1914 г. в урартском могильнике у подошвы Арарата близ сел. Малакю¹. Наконец, на

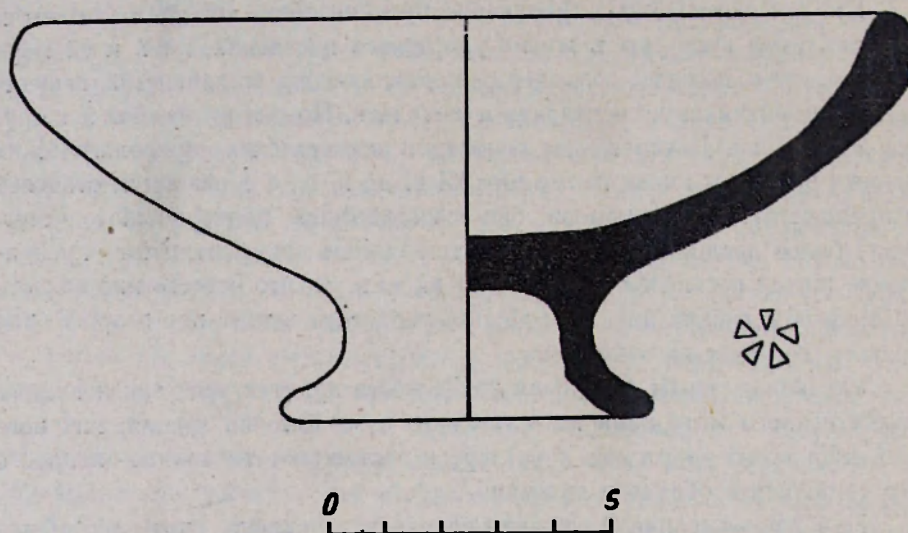

Рис 45. Красная лощеная чашка со штампом.

нашей чаше снизу, в том месте, где начинается ножка, имеются два клейма в виде розетки, образованной пятью клинообразными оттисками, расположенными по кругу остриями к центру. Подобные клейма имеются на трех хранящихся в Эрмитаже доньшках мисок из Топрах-кале, г. е. из города Тушпы, столицы государства Урарту². На одном доньшке розетка образована пятью клинообразными оттисками, на другом—четырьмя, на третьем—тремя. Несомненно, что наша чаша привезена из города Тушпы в город Тейшебаини (у Кармир-блур), как ни трудно отказаться от соплазнительного предположения, что перед нами изделие урартского гончара, переселившегося из центра государства на его окраину. Клейма на

¹ Б. А. Куфтин, Урартский „колумбарий“ у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит, Вестник Гос. музея Грузии, т. XIII В, Тбилиси, 1943, стр. 20, рис. 183 и табл. 1.

² Инв. №№ 16025, 16030, 16005.

нашей чаше совершенно одиноки среди клейм керамики Кармир-блур, и это заставляет считать ее привозной. Однако она сослужит другую службу, поскольку является доказательством, что мелкую посуду и все, что можно было унести, жители поселения, поспешно оставляя дома, стремились захватить с собой.

Куда же бежали они со своим скарбом? Часть их, вероятно, скрылась в горы, другая поспешила укрыться в цитадели, так как само поселение нельзя было защитить от приближающегося врага. Вероятнее всего обнесение поселения стенами к моменту военной угрозы не было еще завершено и значительная часть его была открыта для нападения.

При раскопках цитадели обращает на себя внимание то, что в момент гибели она была перенаселена: люди жили в комнатах, на крышах и во дворе, во временных жилищах. Эти временные жилища, не всегда даже достроенные, поражают обилием мелкой и средней по размерам легко переносимой глиняной посуды и отсутствием крупных сосудов — черта, противоположная тому, что мы видели в жилищах в поселении. Более того, если в поселении еще не найдены никакие пищевые запасы, то жилища, раскопанные во дворе цитадели, просто уставлены сосудами, полными зерна — пшеницы, ячменя, проса, гороха. Зерно даже засыпалось прямо в вырытые в земле ямы. Становится ясным, что, отправляясь за стены цитадели, в „осадное положение“, жители поселения опорожнили свои большие зерновые сосуды и перенесли зерно в цитадель, используя для этого всю пригодную посуду. Очевидно, цитадель была взята штурмом, а не в результате длительной осады. Хотя и не защитив цитадель, ее стены все же оказали сопротивление врагу. Если у подножья западных стен цитадели и даже между камней самих стен встречены скифские бронзовые наконечники стрел, то в куске обмазки крыши помещения 1(48), упавшей в очаг, удалось обнаружить наконечник урартской железной стрелы, типа хорошо известного по раскопкам в Кармирблурской цитадели. Расстояние по прямой от оборонительных стен цитадели до помещения 1(48) не превышает 130 м, что несомненно меньше дальности полета стрелы.

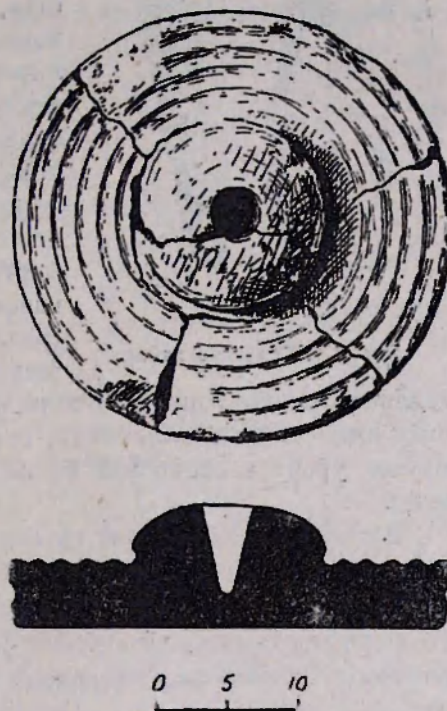

Рис. 46. Глиняный гавчарный круг.

Устанавливается, что в кармирблурском поселении жили вонны-урарты¹. Это вполне соответствует той роли, которую призваны были играть урартские укрепленные поселения в завоеванном крае. Грабеж покоренных местных племен, осуществляемый в форме дани, грабеж непокоренных племен, осуществляемый в форме военных экспедиций, базами которых служили эти поселения-крепости, защита освоенной территории от набегов соседей—вот те задачи, которые они осуществляли, пока мощь государства оказалась для этого достаточной. Если к этому добавить, что награбленные у покоренных и непокоренных

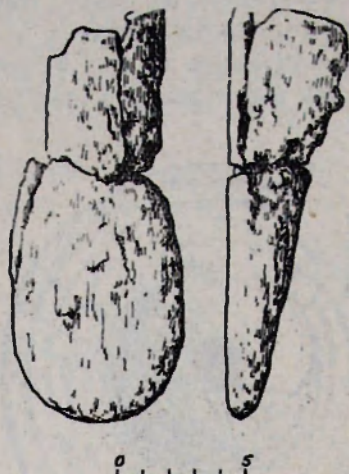

Рис. 47. Железное кайло.

варваров богатства собирались в громадных кладовых, открытых раскопками в цитадели, перерабатывались здесь и затем отправлялись в центр государства, в город Тушпу, то к урартским воинам, жившим в описанных выше жилищах, нужно добавить чиновников и ремесленников. Ремесленные мастерские, которые несомненно существовали, пока еще не открыты. Но может быть помещение 1 (49), в котором были найдены оригинальный, сделанный из глины гончарный круг (рис. 45) железный наконечник кайла для добывания глины (рис. 46), куча которой была обнаружена в соседнем помещении 4 (49), пред-

ставляет жилище гончара. Воины и чиновники были несомненно урартами. Кем были ремесленники, сказать пока нельзя. Возможно, что помимо урартов среди них были представители и иных этнических групп.

Возможно, что наиболее грубую и тяжелую работу в хозяйстве цитадели выполняли и рабы, но это не меняет совершенно ясно рисующуюся картину: поселение у Кармир-блур или, вернее, город Тейшебанин, как его называли сами урарты, было урартским военно-административным центром в Закавказье в последний период существования Ванского царства.

¹ Кармир-блур. 1.